

Телеспектакль
«Скучная история».
Б. БАБОЧКИН в ро-
ли Николая Степано-
вича.

дом, часто жестким и острым. Я был поклонником его таланта, но не думал, что когда-либо встречу с Борисом Андреевичем в творческом деле. И все-таки это произошло.

***

Те, кто имеет отношение к театру, кино или телевидению, знают, какие муки испытывает режиссер при распределении ролей: найти точных исполнителей — значит наполовину приблизиться к верному воплощению произведения. Но когда я собрался ставить на телевидении «Скучную историю» Чехова, мне было относительно легко, потому что с самого начала совершенно ясно понимал: центральную роль в этом телеспектакле может играть только один актер — Борис Бабочкин.

Я сделал предложение артисту в странных обстоятельствах — в перерыве между просмотром двух фильмов в сутолоке

состоявшуюся жизнь. По мере проникновения в материал мы поразились, как Чехов, не достигший и тридцати лет от роду в пору написания этой вещи, мог так постичь психологию старого человека в час его угасания!

Экранное воплощение этого произведения мне виделось не похожим ни на кино, ни на театр, ни даже на обычный телеспектакль, который в те годы часто походила на обыкновенную театральную постановку с некоторой оглядкой на кинематограф. «Скучная история» мне виделась на телеэкране как развернутый драматический монолог, который должен вобрать в себя максимально авторского текста, а по интонации быть доверительным и исповедальным. Я опасался, как отнесется к этому актер, отдавший много лет творчества театру и кино. Бабочкин не только принял форму такого спектакля, но в

молкал, когда он репетировал, а потом, когда снималась сцена, смотрел, не отрываясь от Бориса Андреевича, — рабочие, гримеры, реквизиторы, актеры, не занятые в сцене, просто любопытные, которых всегда было много, когда снимался Бабочкин. Не все они читали чеховскую повесть, но понимали: перед их глазами происходит что-то важное — и слушали размышления, видели страдания большого, значительного человека. Признаться, для меня тоже многое оказалось новым. То, что в рабочих репетициях было прочерчено контуром, исполнилось не в полную силу, получилось во время съемок выражение отчетливое, сочное, выразительное. Словом, жестом, тончайшей мимикой большой мастер лепил перед камерой интереснейший образ человека, совершенно потерянного на краю жизни, трагичного в своем понимании человеческого, бессмысленного существования. Как-то после одной из таких съемок Борис Андреевич подвозил меня, как обычно, на своей машине домой. Он сидел уверенно за рулем и вдруг спросил как-то осторожно, растерянно:

— Как играю?

И я с абсолютной, искренней убежденностью проскандировал:

— Прекрасно!

Борис Андреевич почему-то не смотрел отснятого материала, не видел ни одного просмотра уже смонтированной пленки, а когда я позвонил ему и сказал, что, кажется, получается неплохо, а его исполнение, на мой взгляд, будет событием, он отшутился:

— Знаете, когда я еще работаю в Ленинграде, меня как-то встретил Юрий Михайлович Юрьев. «Пойдем, — сказал он, — ко мне. Я тут записал на пластинку свое исполнение, пойдем послушаем». Юрий Михайлович поставил пластинку и, когда закончилось его чтение, сказал после паузы: «Это же то, против чего я боролся всю жизнь». Потом поставил еще раз пластинку, очень внимательно еще раз послушал и сказал уже как-то просветленно: «А что, ничего?»

«Скучную историю» мы смотрели дома у Бориса Андреевича, в кругу его семьи. Я волновался. Он смотрел впервые со всеми телезрителями — смотрел очень сосредоточенно. И когда закончился спектакль, наступила большая пауза. Борис Андреевич поднялся со стула, молча ходил по комнате, и я подумал, что он сейчас скажет: «Это то, против чего я боролся всю жизнь». Или: «А что, ничего?» Но сказать он ничего не успел, потому что зазвонил телефон, и в течение двух часов, пока я сидел у него дома, он уже не отходил от телефона — звонили артисты, писатели, просто зрители, поздравляли с большим успехом. Известный драматург сказал ему: «Много раз видел Чехова — комедийного, лирического, драматического и поэтического. Теперь мы увидели еще одного Чехова — трагедийного...»

***

Наша отношения с Борисом Андреевичем не прерывались, стали теплее. Мне было дорого его доброе расположение ко мне. Всегда, когда его приглашали на телестудию, он считал нужным посоветоваться, обменяться мнениями по этому поводу, делался замыслами предстоящих работ в театре, приглашал на просмотры сделанных спектаклей, на творческие вечера. Смотрел он и мои работы на ТВ, его меткие наблюдения были всегда интересны и полезны.

Я часто бывал у него дома, который был мне симпатичен, как и его хозяйка Екатерина Михайловна — жена Бабочкина, милая, мягкая, как бы созданная, чтобы уравновесить беспоконный характер мужа.

Когда Екатерина Михайловна тяжело заболела, я встретил Бориса Андреевича и увидел его совершенно расстроенным. Он был в отчаянном состоянии, и я понял, что значала жена в жизни Бабочкина. К счастью, все обошлось тогда благополучно. В доме у них было то много народу, то пусто, но неизменно

страницы воспоминаний

«БАБОЧКИН ДЕНЬ»

Павел РЕЗНИКОВ

Кто не видел осуществленных ТВ прекрасных работ Бориса Андреевича Бабочкина в телеспектаклях «Скучная история» по А. Чехову и «Плотничьи рассказы» по В. Белову. В этих ролях заново открылся зрителю великий советский артист. Обе постановки были осуществлены одним из ведущих телевизионных режиссеров Павлом Романовичем Резниковым. «Литературная Россия» попросила его поделиться с читателем своими воспоминаниями об ушедшем от нас этим летом Борисе Бабочкине.

«Вы очень хороший человек... — говорит она. — Вы редкий экземпляр, и нет такого актера, который сумел бы сыграть вас. Меня или, например, Михаила Федорыча сыграл даже плохой актер, а вас никто. И я вам завидую, страшно завидую!»

(А. Чехов. «Скучная история»)

Б

ОРИС Бабочкин! В тот год, когда я еще только собирался поступить в театральный институт, имя это гремело по всей стране. Какой артист! Кто он? Откуда? Я был поражен, когда узнал, что создатель революционного образа Чапаева работает в Александринке, бывшем императорском театре. Я жил тогда на Украине, ленинградских актеров знал плохо. В моем главном представлении Александринский театр был связан с импозантной фигурой Юрия Михайловича Юрьева. Я видел Юрьева в «Маскараде». Он превосходно играл Арбенкина. Но больше запомнился в концертном зале. Чем-то похожий на элегантного борца, в черной паре, с набриолиненными черными с проседью волосами, он читал с группой актеров в сопровождении оркестра драматическую поэму Байрона «Манфред». Голос его звучал изумительно красиво. С проникновенной страстью он прощался с солнцем: «Прости навек, — прими мой взор последний...». Прядь волос картинно спадала на влажный лоб, он бил себя кулаком в грудь — из жилетного карманчика даже выпал час и на массивной запястье болтались на животе. Это могло показаться пародией, если бы не искренность артиста, чувства которого выражались сильно, гипнотически. В зале слушали с завороченным вниманием, не шелохнувшись.

Юрьев в моем тогдашнем представлении был таким, каким и должен быть настоящий артист вообще — представительный, возвышенный в выражении своих чувств, далекий от

обыденной жизни. И вот рядом с ним — Бабочкин, земной, острый, во всем русский; образ легендарного полководца, им созданный, не только достоверен в целом, но узнаваемо точен во всех житейских деталях. По прошествии лет я с удивлением узнал, что эти два актера, столь разные, были, оказывается, творчески дружны, что Бабочкин восхищался Юрьевым, и в частности его образом Арбенкина — тонким, доведенным до совершенства; что маститый актер помогал молодому Бабочкину в создании роли Чацкого...

Это покажется странным, но у Бабочкина-актера, как я потом понял, немало было от Юрьева — некоторая патетичность, романтическая увлеченность своим героем и манера речи, несколько напевная, вернее, ее музыкальность и точная, филигранная отделка роли. Впоследствии мне Борис Андреевич много рассказывал о Юрьеве с теплотой и уважением к большому мастеру. Все же Юрьев — при всей своей художественной мощи — принадлежал к прошлому русского театра, в то время как Бабочкин был в самом полном смысле актером современным.

Как все юности моего поколения, я был захвачен, потрясен «Чапаевым». В среде актерской молодежи только и говорили о Бабочкине, о необычном стиле роли, о его покоряющем мастерстве, перефразируя известную поговорку, острили: «Вот тебе, Юрьев, и Бабочкин день». Но это и в самом деле был «Бабочкин день», потому что актерская работа Бабочкина была принципиально новой, свежей, глубоко отличной от традиционной манеры, которой в то время страдали некоторые мастера сцены.

Потом я уже не пропускал ни одного фильма или спектакля с участием Бабочкина. Мне нравился характер его режиссуры, интересный своей неожиданностью, привлекали внимание его выступления в творческих организациях и печати — во всем, что делал, говорил, писал этот человек, вырисовывалась значительная личность со своеобразным характером, своим взглядом

Телеспектакль «Плотничьи рассказы». Олеся Смолин — Б. БАБОЧКИН, Константин — В. БОЧКАРЕВ, Авенир — П. КОНСТАНТИНОВ. Фото Б. ВДОВЕНКО

Дома кино. У Бориса Андреевича была страдальчески-усталый вид, он казался чем-то раздраженным. «Сейчас шуганет меня за несерьезность», — подумалось. Но он вдруг оживился, просиял.

— Вот, — воскликнул Бабочкин своим характерным тенорком, — вот! Это — да!

Не все мои товарищи были согласны с таким выбором. Одни считали, что актеру будет мешать инерция «чапаевского» исполнения, другие не видели в Бабочкине схожести с чеховским профессором. Но главное, всех пугал его трудный характер. Но именно этот характер, его острота и незаурядность и манили. Тем не менее в первый же день нашего более близкого знакомства в доме Бабочкина я вдруг весело-бесстрашно проинес:

— Борис Андреевич, говорят, что с вами невозможно работать...

Он вспыхнул, искренне возмутился:

— Кто это выдумывает?..

Две-три минуты он кипел, потом успокоился. Это был единственный «взрыв» в нашей первой работе, прошедшей от начала до конца в исключительноном, почти неправдоподобном согласии.

Теперь, когда я думаю о том, что же нас соединило, таких разных — по опыту жизни, по характеру, — в сущности, двух малоизвестных людей, то говорю: Чехов, «Скучная история». Мы были одинаково увлечены этим чудесным произведением. Нам нравилась и его форма — запяски старого человека; в равной степени нас волновал этот странный человек, с беспощадной силой, безжалостно оценивающий поступки, мысли не только окружающих его людей, но и свою собственную не-